



Н.К. Гаврюшин

РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ
Очерки и портреты

Нижний Новгород

2011

Н.К. Гаврюшин

РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ
ОЧЕРКИ И ПОРТРЕТЫ



По благословению
архиепископа Нижегородского
и Арзамасского Георгия

Выражаем благодарность за помощь в издании книги
директору ОАО «НИАЭП»
Валерию Игоревичу Лимаренко



Н.К. ГАВРЮШИН

РУССКОЕ БОГОСЛОВИЕ
ОЧЕРКИ И ПОРТРЕТЫ



Нижний Новгород

2011

УДК 271.2
ББК 86.372+87.2
Г12

Г12 Н. К. Гаврюшин. **Русское богословие. Очерки и портреты**
Нижегородская духовная семинария, 2011. 672 с.

ISBN 978-5-904720-07-0

© Николай Константинович Гаврюшин, 2011
© Нижегородская духовная семинария, 2011
© Типография «Ридо», 2011



Теоретической предпосылкой исследования Дамиана можно считать его утверждение, что «художественное вдохновение далеко не всегда соответствует прямому смыслу взятого предмета, насчет которого бывают возможны самые странные недоразумения»²⁹. Исторически Дамиан достаточно внимательно рассмотрел возникавшие на Руси «недоумения» по поводу иконописных изображений, отдав должное дьяку Ивану Висковатому, Зиновию Отенскому, Стоглаву и постепенно подойдя к проблемам православной эстетики как нормативной дисциплины, воздействующей на развитие церковной живописи через духовную цензуру.

Иеромонах Дамиан не был настолько наивным человеком, чтобы не предвидеть очевидных возражений: поставить «закон» выше «благодати» он, конечно, не мог. «Предлагать цензуру и необходимость иконописцам и живописцам следовать и справляться с подлинниками и лицевыми святыми, — писал он, — никогда не значит сковать свободное творчество художников, заставляя их изображать по писаному. Наоборот, художнику развитому, с прирожденным вкусом и даром творчества эти руководства послужат только пособием, необходимой справочной книгой, и нисколько не будут связывать его творческого воображения... Элементы субъективный и объективный допускают взаимное гармоническое сочетание как в церковной поэзии, так и в художественной живописи»³⁰.

Религиозно-эстетическая установка на византийские образцы и, конкретнее, на «Иконописный подлинник» проявилась и в статье Владимира Кожевникова, посвященной картине А. Иванова «Явление Христа народу». В фигуре Иоанна Крестителя он усматривает влияние «Деисуса» Мануила Панселина (XVI в.), включенного в конечном счете в «Иконописный подлинник» 1905 года.

Философско-эстетический анализ значения «Иконописного подлинника» для русского религиозного искусства дал в письмах, известных под названием «Философия иконы», Николай Тарабукин³¹. Он обращает особое внимание на эту тему в главе «Сверхвременный смысл „Иконописного подлинника“». «К сожалению, — пишет Н. Тарабукин, — Церковь ни разу не обратила серьезного внимания на роль и характер „Иконописных подлинников“ и ни один из них не узаконила в качестве непреложного устава для иконописцев. Если



бы это случилось, то это обстоятельство несомненно спасло бы иконопись от многочисленных живописных влияний, вплоть до жеманного и фривольного стиля рококо, и предохранило бы Церковь от засорения неподобающими живописными произведениями»³².

В другой главе Н. М. Тарабукин, так же как и Н. В. Покровский, обращается к вопросу о единстве выразительности всех сторон религиозной жизни. «Если ни один священник, — пишет он, — не позволит себе вместо церковно-славянского текста молитвы Ефрема Сирина прочесть стихотворное переложение ее, сделанное Пушкиным, то не понятно, почему продолжение той же логической мысли не приводит этого священника к протесту против нахождения в храме сентиментальных портретов католического письма, заменяющих собою образ Богоматери, мирился, когда слышит с клироса мелодии, близкие к „Пиковой Даме“»³³.

Озабоченность выразительной стороной общественного богослужения порой приводит Н. М. Тарабукина к таким максималистским декларациям, которые способны подорвать доверие к духовным корням его теории. «В живописи, — пишет он, — наиболее сатанинской формой изображения является портрет. Недаром вся средневековая культура, наиболее религиозная, не знала портрета как самостоятельной формы изображения»³⁴. Между тем, раннехристианская иконография развивалась именно на основе портрета, а специфические черты византийского «иконного» стиля стали складываться лишь к концу первого тысячелетия...

В русской религиозно-эстетической мысли XIX–XX веков в самом деле наметилось стремление обрести *законы* православной выразительности, которые мыслились воплощенными в «Иконописном подлиннике», «Нотном октоихе», «Типиконе»... Оставалось, казалось бы, найти четкие определения, охватывающие основные вариации содержащихся в них указаний, и тогда... Но тогда христианская культура стала бы формой *Закона*, который некогда отступил перед *Благодатью*, сошедшей на греческую землю с Воплощенным Словом Божиим... Вот почему наряду со славословиями «Иконописному подлиннику» появляются и высказывания о его отрицательном влиянии на религиозное искусство. По мнению Г. И. Вздорнова, впервые об этом заговорил А. П. Голубцов³⁵.



И за праведным гневом против протестантизма вытеснение церковного предания «всечеловеческим» проходит почти незамеченным. В этом важнейшая особенность стиля и метода о. Павла.

Флоренский создал целую парадигму рассуждений, к которой восходят построения и уже упомянутого Н. Тарабукина, и гр. Комаровского⁴², и, конечно, Булгакова... Можно сказать, что у русских с немалым запозданием на почве изучения иконы проснулся вкус к метафизике, но она уводила их в гностицизм и даже магизм; вторая волна этих поисков обнаружила себя уже на рубеже XXI века, когда русская иконология начала насыщаться новой терминологией — появились *иеротопия, энотопос, этернизация*. — «Говорящий на незнакомом языке — молись о даре истолкования» (1 Кор. 14: 13). — От метафизических аллюзий, возможно, больше этикетных, оказалось недалеко до такой «онтологизации» иконы, что опасения иконоборцев стали в самом деле оправдываться...

Возможно, их неслучайно оживил близкий друг Флоренского, воспринявший от него софиологическую доктрину, — о. Сергий Булгаков. Он начинал свой путь в религиозной эстетике с увлеченного анализа творчества В. М. Васнецова, в котором видел «русского Рафаэля» и одного из подлинных духовных вождей нации⁴³. В Рафаэле Булгакову предстояло позднее испытать глубокое разочарование; параллельно должно было умалиться в его глазах и значение Васнецова. Постепенно его внимание сосредоточилось на иконе. Ей Булгаков посвятил монографию «Икона и иконопочитание» (1931).

Возвращаясь к эпохе иконоборческих споров, о. Сергий обращает внимание на то обстоятельство, что доводы противников иконопочитания не были до конца опровергнуты на VII Вселенском соборе. Логически несовершенными представляются ему и сочинения патриарха Никифора, преп. Иоанна Дамаскина и преп. Феодора Студита. «Торжество православия», которое Церковь празднует в первое воскресенье Великого поста, оказывается, по Булгакову, *мнимым*. Он утверждает, что «в пределах христологии» догмат иконопочитания ведет к «безвыходным апориям», и существует только один путь богословского спасения православия — принятие софиологического учения, согласно которому София есть «Божество Бога или Божество в Боге» и в то же время «божественный мир прежде его творения»...



27. Там же. С. 12.
28. См., напр.: *Денисов Л. И. Каким требованиям должна удовлетворять православная икона? // Вера и Церковь. 1901. Кн. 4. С. 585–597.*
29. *Дамиан, иером. Недостатки русской иконописи и средства к их устранению. Историко-критический очерк. СПб., 1905. С. 50.*
30. Там же. С. 55–56.
31. ОР ГБЛ, ф. 627, карт. 2, ед. хр. 1. Кем дано название делу, написанное чернилами на кусочке картона, непонятно. В папке, собственно говоря, несколько работ: лл. 1–15 — «Об искусстве», лл. 16–29 — «Философия пейзажа», лл. 24–66 — «Письма», лл. 67–85 об. — «Икона Владимирской Богоматери». Тексты датированы 1916 годом, но это недоразумение: правописание и ссылки на работы П. А. Флоренского, опубликованные в 1922 году, дают основание отнести создание рукописи к середине 1920 годов. «Философия иконы» опубликована А. Г. Дунаевым: см.: *Тарабукин Н. М. Смысл иконы М., 1999.*
32. *Тарабукин Н. М. Смысл иконы. Указ. изд. С. 100.*
33. Там же. С. 110.
34. Там же. С. 34.
35. *Вздорное Г. И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М., 1986. С. 254.*
36. *Виноградов А. л. Опыт сравнительного описания и объяснения некоторых символических икон древнерусского искусства. СПб., 1877. С измененным названием напечатано в «Изв. Имп. Рус. археологич. об-ва», т. IX, вып. 1.*
37. *Арсеньев В. С. О церковном иконописании // Душеполезное чтение. 1890. Ч. 1. С. 253–266. В сокращении см. в кн.: Философия русского религиозного искусства. М., 1993. С. 140–144.*
38. См.: *Смирнова Э. С., Лаурина В. К., Гордиенко Э. А. Живопись Великого Новгорода. XV век. М., 1982. С. 189–190.*
39. *Волошин М. Чему учат иконы? // Волошин М. Лики творчества. Л., 1989. С. 291–295.*
40. *Трубецкой Е. Н. Россия в ее иконе // Трубецкой Е. Н. Три очерка о русской иконе. М., 1991. С. 107.*
41. *Флоренский П., свящ. Собр. соч. I. Статьи по искусству. Париж, 1985. С. 263.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
Часть I. Очерки	11
Силуэты духовных академий	12
Вехи русской иконологии	42
Самопознание как таинство: русская религиозная антропология	74
Часть II. Портреты	119
Тайна «внутреннего Креста»: святитель Иннокентий (Борисов)	120
«Столп Церкви»: протоиерей Ф.А. Голубинский и его школа	135
«Мы одни православны...»: А.С. Хомяков	175
«Церковь в нас должна святиться»: архимандрит Феодор (А. М. Бухарев)	201
«Меня официально провозгласили неправославным»: архиепископ Никанор (Бровкович)	251
Антропология в свете гносеологии: В.А. Снегирев и В.И. Несмелов	284
Идеал любви и трагедия власти: митрополит Антоний (Храповицкий)	295
«...Придти к опыту верующего в простоте»: М.М. Тареев	334
«Сила и слава Церкви»: И. В. Попов	369
Метафизика любви и богословие брака: С.В. Троицкий	407
«Горю душой примкнуть к массонам...»: архимандрит Серапион (Машкин)	446

«Борьба за любезную мне непонятность...»: священник Павел Флоренский	454
«Быть христианином — значит быть греком»: protoиерей Георгий Флоровский	500
«Истинное богословие преображает метафизику». Заметки о Владимире Лосском	540
Два пути веры: protoиерей Сергий Булгаков и патриарх Сергий (Страгородский)	582
«Никакого „парижского богословия“ нет!»: архимандрит Киприан (Керн)	593
Игумен из Пинска о польском мессианизме: Геннадий (Эйкалович) и Хёне-Вронский	610
«Метаморфология» и богословие: Василий Павлович Зубов	622
«Священство не должно быть профессией»: протопресвитер Александр Шмеман	638

Николай Константинович Гаврюшин
Русское богословие. Очерки и портреты

Редактор-корректор О. В. Куранова.
Вёрстка: В. Г. Кочнев

Подписано в печать 04.04.2011. Формат 70х100/16
Бумага мелованная. Печать офсетная.
Печ. л. 42. Усл. печ. л. 54,18
Заказ № 192. Тираж 2000 экз.
Отпечатано в типографии «Ридо»

ISBN 978-5-904720-07-0

© Николай Константинович Гаврюшин
© Нижегородская духовная семинария, 2011
© Типография «Ридо», 2011

